

СЛУЧАЙНОСТИ часто выручают журналиста. Из «Комсомолки» вечером раздался звонок в парижском корпункте «Известий»: «Ты можешь найти композитора Филиппа Жерара?»

— Я был у него два дня назад.
— Рассказать о нем можешь?

...**МАЛЕНЬКИЙ** и живописный парижский пригород Кламар. Кривая улица, петляющая по холмам. Виден Париж, открывающийся из окна на верхнем этаже дома. Хозяин смотрит на далекие силуэты зданий, ажурную Эйфелеву башню и говорит:

— Здесь приятно работать. Тихо, и Париж рядом.

Зная, что немало своих песен Мари Филипп Жерар посвятил Парижу, можно легко понять, почему так важно, чтобы Париж был рядом. Мы ждем, пока придет Жан Дрежак, друг и соавтор Филиппа Жерара. В рабочем кабинете композитора почетное место занимает... пазл из самовар. А рядом — палехская шкатулка, «хохлома», книги на русском языке, советские граммпластинки. «У меня много друзей в Советском Союзе», — говорит Филипп Жерар. — Я сам не раз бывал у вас, добрался даже до Читы. И кó мне в гости часто заглядывают советские коллеги, друзья. Недавно мы провели незабываемый вечер с Юрием Гагариным...

Филипп Жерар и Жан Дрежак накануне 50-летия Великого Октября выпустили новую граммпластинку с записью своей песни «Октябрь». Но до прихода Дрежака мы откладываем разговор о ней, и я расспрашиваю композитора о его жизни, творчестве. Почему, например, его имя Мари?

— Так уж случилось, что родители решили избрать это странное для мужчины имя. И родился я не во Франции, а в Бразилии, отец работал там инженером.

С трех лет Мари Филипп Жерар начал сочинять музыку. «В меру способностей того возраста», — уточняет он сам. А в 12 лет у него появился знаменитый учитель, друг семьи, композитор Морис Равель. Мэтр был строг к юному ученику: «если бы не он, я, наверное, так и остался бы любителем», — говорит Филипп Жерар.

Тем не менее после лицея юноша идет учиться на философский факультет Сорбонны, хотя и не прекращает занятий музыкой. Студентом его застает война. Оккупация гитлеровскими войсками Парижа. Вместе с товарищами по факультету он уезжает в Лион. Здесь студент-философ быстро налаживает контакты с подпольщиками из группы «Комба» («Бой»). Учеба заброшена. Теперь Филипп Жерар сидит в подпольного передатчика и посылает в эфир закодированные сообщения: «Собака бежит ночью», «Мельпомена употребляет духи «Гелиотроп». Те, кому эти послания предназначались, знали, кто был «собакой» и почему одной из девяти муз нравилась именно такая духи.

В 1943 году Филиппа Жерара схватывает немецкая фельдандармерия. С поручением подпольщиков он пробирался в горы Веркора. Возвращение под конвоем в Лион, короткий суд, приговор: каторжные работы на соляных копях в Силезии. Через несколько дней группу осужденных ведут для посадки в поезд на Лионский вокзал.

— Мы стояли с друзьями на перроне, — рассказывает Филипп Жерар. — Нас охраняли пять или шесть вооруженных солдат. Рядом шумела толпа. Вдруг я слышу, как какая-то дама спрашивает у железнодорожника: «Когда отходит поезд на Женеву?». — «Через две минуты, мадам, со второго пути». Я толкаю своего друга. Он тоже все слышал. Решение созрело мгновенно. Мы отсчитываем секунды: тридцать, сорок, сто, сто двадцать... И рывком перепрыгиваем через пути, вскакиваем в вагон. Поезд идет. Сзади бегут охранники. Стрелять они боятся — кругом полно людей.

Ночью беглецы покинули поезд и по горам пешком перешли швейцарскую границу.

— Так началась моя новая жизнь, — продолжает мой собеседник. — И отныне она вся была посвящена песне. В Швейцарии я встретил поэта Франсиса Карко. У него было много стихов. И мы решили положить их на музыку. Песни имели успех, я всерьез принялся за работу.

ПОСЛЕ войны Филипп Жерар знакомится с крупнейшей французской певицей Эдит Пиаф. Он пишет для нее две песни: «С этим солнцем» и «Шевалье де Пари». Вторая песня имеет огромный успех, она перелетает океан. И в Америке ее записывают на граммпластинки 97 разных исполнителей.

— Однажды, — говорит Филипп Жерар, — Эдит Пиаф познакомила меня с молодым, высокого роста человеком. «Это, — сказала она, — мой ученик. Надо бы, чтобы ты написал что-нибудь для него». Так началась

Рассказываем о лауреатах премии Ленинского комсомола композиторе Ф. Жераре и поэте Ж. Дрежаке.

РОЖДЕННЫЕ ДРУЖБОЙ

наша 20-летняя уже теперь дружба с Ивом Монтаном.

Я спрашиваю, сколько всего песен создал Филипп Жерар.

— Сколько? — смеется он. — Да я не считал. Ну, скажем, не меньше тысячи, может, чуть больше. Но я работаю не только в песенном жанре. В 50-х годах написал балет «Жанна д'Арк», много сочинял для театра, кино. Одной из последних работ была музыка к фильму «Бебер и омнибус». Его, кстати, показывали в Москве. Сейчас готовлю музыку к новому спектаклю театра «Мариньи» «Дама из Чикаго». Люблю телевидение. Здесь обаяет то, что написанная тобой музыка сразу находит многомиллионную аудиторию.

Филипп Жерар ведет еженедельную радиопередачу «Кило перьев — кило свинца». Название шуточное, родилось из детской загадки: что весит больше — килограмм перьев или килограмм свинца?

— Смысл этой передачи в том, чтобы дать слушателям музыкальное образование, — рассказывает Филипп Жерар. — Мы соединяем одновременно ту музыку, которую обычно называют легкой, и классические произведения. Мой профессор когда-то говорил, что знает только два рода музыки — хорошую и плохую. Я тоже придерживаюсь этого взгляда. Поэтому для меня не существует музыки «легкой». Прежде всего она должна быть хорошей. А в таком случае в одной радиопередаче можно соединить и лучшие образцы народного творчества, и современную песню, и, скажем, концерт Чайковского.

СРЕДИ разнообразных интересов и занятий Филиппа Жерара есть одна страсть, которой он посвящает много времени. Это пропаганда и распространение советской музыки во Франции. Филипп Жерар знает наизусть сотни мелодий русских народных и советских песен, помнит, кто и что написал.

— Вместе с фирмой «Шан дю монд» («Песни мира») я являюсь создателем всех советских песен во Франции, — говорит композитор. — Я очень люблю русские песни и делаю все, чтобы популяризировать их у нас. Их сейчас все больше узнают во Франции. Но хотелось бы, чтобы это знакомство было еще быстрее и полнее. Недавно мы приготовили новую большую долгоиграющую пластинку с советскими песнями. Я уверен, что она будет иметь успех.

— А вот к этой песне, — говорит Филипп Жерар, — садясь к пианино, — я даже написал французский текст.

Он играет и поет по-французски «Солнце скрылось за горами» Блантера. Затем следует «Не спеши» Бабаджаняна.

НАШ разговор прерывается залившимся звонком. Это пришел, наконец, Жан Дрежак. У него молодая, энергичная походка. Он спортивен, подобрав, и трудно поверить, что ему больше тридцати пяти.

— Нет, — смеется он, — уже к пятому десятку подходит. Но у меня такая трудоемкая работа, что я стараюсь держаться в форме.

Профессия Жана Дрежака во Франции называется «паролье». В буквальном переводе это тот, кто пишет слова к музыке. Но это не совсем так. Жан — поэт-песенник.

— И наш профсоюзный защитник, — улыбается Филипп Жерар.

«Профсоюз» — это «Общество авторов-композиторов», которое защищает права своих членов перед фирмами, издателями.

ПЕСНИ,

— У нас нет союза композиторов, — говорит Жан. — В какой-то мере наше общество выполняет его роль.

Жан Дрежак избран в нем заместителем генерального секретаря.

Еще до прихода Дрежака Филипп Жерар поинтересовался: — А ты знаешь, что Жан — коммунист? И знаешь, как он им стал?

И Филипп Жерар рассказал о пути Жана Дрежака к коммунизму. В 1957 году Жан приехал на Московский фестиваль молодежи вместе с оркестром Мишеля Леграна. Далекий от политики поэт, погруженный лишь в свое творчество, вдруг обнаружил новый, удивительный мир социализма.

— Жан вернулся потрясенный, — рассказывал Филипп Жерар. — Сразу сблизился с коммунистами, стал выступать перед рабочими аудиториями, ходить на собрания, а через два года вступил в партию. Заметь, что ему тогда уже было под сорок — зрелый человек...

С приходом Жана весь наш разговор сосредоточился на новой песне двух друзей — «Октябрь».

— Идея написать песню о 50-летию Октябрьской революции, — рассказывает Жан Дрежак, — возникла у нас ровно год назад. Мы тогда долго говорили с Мари о том, какой она должна быть, какие нужны ей слова. Легче было с музыкой. Мы сразу согласились, чтобы песня была не маршевой, а скорее лирической, почти романсом. Такая форма нам казалась подходящей, ибо мы хотели воспеть чувства людей, их восхищение подвигом русского пролетариата. А песня возникла неожиданно и была написана за один присест. Мы работали, как одержимые, целые сутки. Пока я писал слова, Мари отбатывал музыку.

Песня об Октябре быстро нашла дорогу к слушателям. Ее передали французское телевидение, многие радиостанции, ее записали на граммпластинку, которая имеет большой успех.

ПРОЩАЯСЬ. Жан Дрежак говорит:

— Сейчас, в канун Октября, многие люди размышляют о том, чем была и какие результаты дала миру русская революция 1917 года. В нашей песне мы тоже выразили наши чувства, наши отношения к этому событию. Так, Мари?

— Бесспорно. Великая Октябрьская революция была самым важным событием XX века...

— А, может быть, и всей истории человечества, — подхватывает Жан. — Мы восхищаемся вашими достижениями за 50 лет. И разве мы одни? Тысячи и тысячи французов разделяют это чувство и, как и мы, желают советскому народу новых побед и достижений.

Л. ВОЛОДИН.

Париж.

«Комсомольская правда»
г. МОСКВА